

ОТВЕТ НА ЗАМЕЧАНИЯ г. ПРОВИНЦИАЛА

Теперь можно говорить прямее, нежели возможно было почтенному автору письма и нам два или три месяца назад, и мы надеемся, что объяснения, которые можем теперь дать о наших мнениях, во многих случаях удовлетворят почтенного корреспондента, показав ему, что большая часть сомнений, возбужденных в нем нашими статьями, произошла не от того, чтобы мы в сущности имели образ мыслей, с которым бы не мог он согласиться, но единственно от того, что мы или не могли или не умели с достаточной точностью выразить свою мысль о некоторых подробностях предмета.

Почтенный корреспондент начинает свои замечания уверением, что многие из наших землевладельцев заботятся о разрешении крепостного вопроса с выгодой для крестьян не менее, нежели люди, упрекающие землевладельцев в холодности к этому делу. Мы не знаем, насколько автор при этом уверении обращался лично к нам, но, имея теперь возможность, мы вообще находим полезным точнее прежнего выразить наше мнение о классе, к которому принадлежит наш корреспондент. Нет сословия, которое не имело бы своих недостатков, нет положения, при котором личные интересы человека не бывали бы часто противоположны справедливым выгодам многих других людей и пользам целого государства. При существовании крепостного права это применялось к положению помещиков гораздо более, нежели к положению многих других сословий, — например, не говоря уже о самих поселянах, торговцах, промышленниках, домовладельцах, даже человек, живущий процентами с денежного капитала, даже (в некоторых отраслях государственной службы) чиновник занимал относительно требований справедливости и национального благосостояния более нормальное положение, нежели помещик. Но из того, что известный класс занимает положение, не согласное с этими условиями, вовсе еще не следует, чтобы лиц этого класса [как людей] можно было осуждать за невыгоды, приносимые государству или другим сословиям теми условиями быта, ко-

которые составляют привилегию сословия. [Должно] желать уничтожения привилегии, несогласной с справедливостью, гуманностью и государственной пользой; но чувства наши относительно самих лиц, пользующихся существующей привилегией, совершенно зависят от чувств, которыми проникнуты сами они. Во всякой многочисленной корпорации бывают люди очень различного образа мыслей и образованности. Одни из привилегированных могут желать сохранения своей привилегии, другие могут желать ее изменения. О последних поговорим после; теперь заметим, что и первые в своем желании, конечно, противном государственной выгоде, могут руководиться побуждениями очень различными. Многие отстаивают свою привилегию только потому, что не понимают другого порядка вещей, просто потому, что вообще боятся покинуть рутину. Это — люди мало развитые, и их умственная слабость, как всякая слабость, заслуживает сострадательной помощи. Человек более развитой показал бы себя недостойным уважения, если бы вздумал враждовать против таких личностей вместо того, чтобы просвещать их. Есть многие другие, для которых прекращение привилегии соединено в ближайшем будущем с такими убытками, которых не могут вынести их настоящие средства, хотя в будущем более отдаленном и для них, как для всего государства, прекращение привилегии будет выгодно. Относительно таких людей мало забот о просвещении их взгляда: им нужно материальное пособие, чтобы они могли пережить без разорения переходный период. Из этих двух разрядов [всегда] состоит [огромнейшее] большинство людей, не благоприятствующих прекращению привилегии. И хотя привилегия, продолжения которой они хотели бы, несомненно, вредна, но столь же несомненно и то, что личности [таких защитников старинного злоупотребления никак] не могут быть предметом вражды со стороны справедливого поборника улучшений. С одними он должен доброжелательно беседовать о средствах и путях, которыми они могут не только не проиграть, а напротив, выиграть при отмене привилегии; в пользу других он сам должен приискивать материальные средства, чтобы они взамен прежних источников жизни получили новые, если возможно, обильнейшие прежних.

Таковы, по нашему мнению, должны быть чувства просвещенных противников крепостного права относительно [огромного] большинства наших помещиков. Не помещики нам современные присвоили себе вредную для государства привилегию пользоваться обязательным трудом. [Они наследовали то положение, которое занимали до последнего времени, и лично не виноваты в существовании его.] Если те, которые не видят выгодного для себя выхода из этого положения, желали бы сохранить его, тут нет ничего особенного. Человек, защищающий свои выгоды, во все не есть человек дурной; нужно только показать ему, что

с уничтожением привилегии его благосостояние не уменьшится, а увеличится, и он не будет иметь ничего против улучшений.

В каждой многочисленной корпорации есть люди нравственно дурные, люди, которым дорога не столько собственная выгода, сколько возможность удовлетворять дурным страстям: тщеславию, самовластию, лени, низким порокам и т. п. Для этих испорченных людей злоупотребление приятно само по себе; они восстают против улучшений не по ограниченности ума или сведений, не по ошибочному расчету, не по робости перед нововведениями, а из пристрастия к дурному. В каждом сословии есть такие люди, но они не принадлежат собственно ни к какому сословию, кроме сословия людей нравственно испорченных. Какое бы официальное имя ни носили они, все равно они лично сами по себе вредны для общества, вредны не положением своим, которое бывает очень различно, а качествами своего сердца. Но природа человеческая так благородна по своей сущности, что число таких людей незначительно. [В одном сословии может быть их несколько больше, нежели в других, но нет такого сословия, в котором бы составляли они большинство.] И каковы бы ни были впечатления, производимые на общество нравственно дурными речами или поступками нравственно дурных людей [известного сословия], защищающих злоупотребление из пристрастия к нему, как бы неприятны ни были эти впечатления, чувство, ими возбуждаемое, не должно относиться к целому сословию. [Если угодно, можно пояснить эти мысли хотя бы таким примером. В Неаполе, как известно, есть довольно вредный класс людей, ровно ничего не делающих, грубых, невежественных, не совсем чистых и в нравственном отношении, как вовсе не чисты они в физическом отношении. Известно, что эти отвратительные или, лучше сказать, несчастные лаццарони¹ составляют очень сильное препятствие всякому улучшению жизни в Неаполитанском королевстве. Само собой следует из этого, что национальное благо требует уничтожения тех условий неаполитанской жизни, под эгидою которых лаццарони ведут свой вредный для государства образ жизни. Предположим теперь, что неаполитанское правительство издало закон, постановляющий: 1) всякий просящий милостыню здоровый человек подвергается строгому наказанию; 2) каждый из живущих в Неаполе без всякого определенного ремесла или занятия подвергается высылке из Неаполя. Этими постановлениями уничтожилось бы вредное для государства положение, занимаемое сословием лаццарони. Как люди невежественные, многие лаццарони остались бы чрезвычайно недовольны новым узаконением. Само собой разумеется, что их неудовольствие не заслуживало бы ни малейшего внимания со стороны человека, желающего пользы Неаполитанскому королевству. Сословие лаццарони при своем настоящем образе жизни вредно, и условия его быта должны быть изменены во что бы то ни стало, не слушая

праздного ропота. Но мог ли бы человек справедливый почувствовать из-за этого ропота неудовольствие на сословие лаццарони? Вовсе нет; эти жалкие люди не имеют понятия о том, что, кроме нищенства (нищенством должны называться все те случаи, когда человек получает средства к жизни без собственного труда и живет на чужой счет; тунеядство и дармоедство всякого рода подходит под разряд нищенства; это не противоречит обыкновенному понятию о нищенстве, потому что каждый из нас в обыкновенном разговоре принимает, кроме нищенства смиренного, нищенство дерзкое и наглое), — эти жалкие люди, сказали мы, не имеют понятия о том, что, кроме нищенства, есть другие источники для жизни; им надобно растолковать это, надобно объяснить, что гораздо богаче да и гораздо приятнее, нежели ленивый нищий, живет человек трудящийся. Когда лаццарони поймут это (а при даровитости, свойственной неаполитанскому племени, они поймут это очень скоро, лишь бы только объяснения делались им серьезно и вразумительно), — когда они поймут это, большая часть из них сами начнут смеяться над своим прежним тупым недовольством и станут благодарить постановление, которое из тунеядной нужды вывело их к деятельно-изобильной жизни. Кроме большинства, нуждающегося только в объяснении невыгодности тунеядства и выгоды трудовой жизни, найдется между лаццарони довольно много людей столь бедных, что трудно было бы им без материального пособия пережить то переходное время, пока окончатся их доходы от милостыни и не начнутся новые доходы от трудовой жизни. Справедливость требует, чтобы таким людям была оказана материальная помощь, и они сделаются самыми пламенными защитниками нового порядка вещей. Те и другие, то есть девяносто девять из ста лаццарони, лично достойны не вражды, а сочувствия, потому что, несмотря на свой первоначально тупой ропот, они вовсе не по натуре своей, а только по случайным обстоятельствам враждебны прогрессу и станут на стороне его, как скоро советами и содействием дана будет им возможность к тому; затем остаются очень немногочисленными люди, которым приятно быть нищими негодями, испорченность которых так велика, что они уже лишились охоты жить честным трудом, которые ненавидят даже выгодный честный труд за то, что он честен. Такие люди, конечно, не могут быть предметом сочувствия, но, повторяем, они составляют [в] сословии лаццарони, как и во всяком другом сословии, только ничтожную часть, и чувства, с которыми человек беспристрастный, желающий государственной пользы, принужден смотреть на них, никак не должны быть переносимы на целое сословие лаццарони; он должен сказать, что характер быта в сословии лаццарони вреден для государства, и потому должны быть изменены условия этого быта; но против лаццарони как людей он не может иметь вообще никаких иных чувств, кроме тех, какие благород-

ный человек имеет к людям всех званий и состояний, — никаких иных чувств, кроме чувств благорасположения и готовности помочь.

Мы далеко уклонились от прямого предмета наших замечаний. Попробуем возвратиться к нему тем же путем, каким удалились от него, — путем примеров. Ни Европа, ни Азия не представляют явления столь противного справедливости, как невольничество в южных штатах Северо-Американского союза. Страшная участь пленников у зверских хивинцев не так возмутительна: тут весь быт народа, все его понятия сообразны с поступками относительно пленных; у хивинцев нет литературы, они не говорят о гуманности, не рассуждают о политической экономии, о государственном благоустройстве, о правах человека. Но какое впечатление должен производить мистер Легри (в «Хижине дяди Тома»)? Однакоже вникните в смысл даже романа г-жи Бичер-Стоу: разве она враждебно смотрит на плантаторов, разве желает им зла или потерь? Нет, она выставляет большую часть плантаторов, действующих в ее рассказах, людьми, лично заслуживающими уважения многих, людьми чрезвычайно достойными. И однакоже эти люди имеют негров, мало того, они подают голос за сохранение невольничества. Они просто ошибаются в расчетах или увлекаются рутинною при этом деле. Будучи по своему положению людьми вредными для государства, лично большая часть из них остается людьми почтенными.

Мы начали тем, что] в каждом сословии есть люди всякого рода, в каждом есть между прочим и несколько человек нравственно дурных, за которых не обязано отвечать сословие; но, с другой стороны, в каждом сословии бывают и люди, по своим личным качествам столько же возвышающиеся над большинством, насколько некоторые бывают ниже его. Хотя привилегированное положение [вообще не] благоприятствует нормальному развитию человека, но, с другой стороны, сословие помещиков обладает у нас, по отношению к удобствам нравственного развития, столькими средствами, недостающими другим сословиям, что можно предположить в сословии помещиков большую пропорцию людей, замечательных по особенной развитости ума и чувства, нежели во многих других сословиях. Большая половина всего населенного пространства Русской империи находится во владении этого сословия. Оно вообще пользуется несравненно большим благосостоянием, нежели всякое другое сословие, взятое в массе; даже торгующий класс далеко не имеет таких доходов, как землевладельцы; классу помещиков по преимуществу открыт доступ во все высшие учебные заведения, и вообще он имеет гораздо больше средств, нежели другие сословия, для своего воспитания. Это вещь известная, но не должно забывать о другом обстоятельстве, не менее важном для умственного и нравственного развития; все высшие общественные должности заняты людьми из этого сосло-

вия; известно, что занятие важными общественными делами есть наилучшая школа для развития в человеке всех истинно человеческих достоинств; известно, что из двух людей, одинаково одаренных от природы, тот будет иметь более широкий взгляд на жизнь, кто более привык к занятиям, требующим подобного взгляда; известно, как убийственно действует и на ум и на сердце человека такое положение, при котором все его мысли исключительно прикованы к мелочным заботам о мелочных делах; как сословие, одни помещики у нас изъятые от этого погружения исключительно в мелкие интересы, они одни заняты широкими заботами о государственных делах, нравственно возвышающими человека. Надобно думать, что этими благоприятными развитию обстоятельствами вознаграждается невыгодное влияние привилегии на развитие, и потому должно предполагать, что в сословии помещиков пропорция людей, достигших высокого нравственного и умственного развития, более значительна, нежели во многих других сословиях. Таким образом при всем возможном нерасположении к доверчивости похвалам беспристрастный человек едва ли станет отрицать, что в дворянском сословии находилось и находится очень много людей, заслуживающих признательность патриота своими заслугами делу общественной жизни вообще, и в частности находится много людей, самым благородным и полезным образом содействовавших разрешению вопроса о крепостном праве.

В самом деле, нельзя забывать того, что из людей, наиболее заботившихся об уничтожении крепостного права, большая часть принадлежала и принадлежит сословию помещиков. Почти все дельные проекты об уничтожении крепостной зависимости, предшествовавшие административным мерам, были составлены людьми из сословия помещиков². Мы не имеем права называть имен, которые стали особенно почтенными по заботливости об этой реформе, но эти имена, вероятно, известны нашим читателям, и, вероятно, они знают, что все эти лица сами владеют довольно значительными, а некоторые из них огромными поместьями. Об этих лицах мы должны сказать несколько слов.

Мы совершенно уверены, что благоразумно исполненным отменением крепостного права чрезвычайно возвысится благосостояние помещиков, возвысится и важность сословия землевладельцев. Но как бы то ни было, это нововведение соединено для помещиков с отречением от привилегий, которые справедливо казались им очень важными. Восставать против привилегии, которую сам он пользуется, человек может только тогда, когда слишком живо проникнут стремлениями высокой гуманности: для этого недостаточно расчета, хотя бы самого верного. Привилегия имеет в себе такую обольстительность, что пристрастие к ней сопротивляется даже очевидной выгоде. Когда человек отказывается от привилегии, наше заключение о его нравственных

достоинствах нимало не зависит от того, до какой степени выгодно будет ему это отречение, — во всяком случае оно составляет высокий нравственный подвиг, если только оно добровольно. Стремления тех лиц, о которых мы говорим здесь, не только были добровольны, но требовали твердости характера и высокой гражданской отважности. Не только не было им никакой нужды, никакого расчета выступать перед обществом с отречением от своих привилегий, напротив, все чувства житейского расчета и дюжинного благоразумия советовали им молчать. [Редкое благородство и бескорыстие в образе мыслей соединялось у этих людей с доблестью воли, столь же редкою. Эти люди — лучшие граждане своей родины. За таких людей извиняются недостатки всей нации, как же не примириться ради них с сословием, к которому в частности они принадлежат?] Правда, многое зависит и от того, в какое отношение к благороднейшим своим представителям захочет стать сословие; захочет ли [оно действительно] признавать их своими представителями? [Благородные убеждения о необходимости уничтожить обязательный труд были высказываемы и развиваемы преимущественно людьми из сословия помещиков. Теперь, когда настало время перевести эти убеждения в жизнь, теория нескольких отдельных лиц должна стать практикою целого сословия, и степень добровольного участия его в совершении этого дела определится степень его прав на уважение других сословий нации, — скажем более, определится степень значения этого сословия в обществе.

Мы говорим «определится», нет, уже определяется. То, что совершается на глазах наших, уже принадлежит истории. Она уже записала, с какими чувствами было встречено помещиками выражение решительной воли правительства избавить Россию от крепостной язвы. Факты уже представились нашим глазам, и мы не знаем только, до какой степени будет изменен последующими фактами характер впечатления, произведенного первым. Это мы узнаем в течение нескольких месяцев.] Теперь мы знаем только, что между помещиками коренных великорусских губерний первыми вступили на указанный благородный путь помещики Нижегородской губернии³.

[Этими мыслями определяется наше мнение о землевладельцах со всей точностью, до какой довели его факты, известные до сих пор. Круг фактов еще не заключился, потому и мнение, из них выводимое, не имеет в себе ничего такого, что не могло бы измениться в будущем, но по крайней мере мы старались выставить принципы, которых следует держаться при суждении о фактах.] После этого предисловия, очень длинного, мы можем перейти к замечаниям, которые делает почтенный корреспондент на наши статьи о поземельной собственности.

Он справедливо говорит, что между им и автором статьи, на которую пишет он замечания, нет спора; замечания почтенного

корреспондента только поясняют некоторые стороны дела, без достаточной точности изложенные в нашей статье, — поясняют их совершенно согласно с духом наших собственных мнений, и мы принимаем их совершенно.

Прежде всего обратим внимание читателей на чрезвычайно верное толкование, которое мыслями почтенного корреспондента придается нашему спору в защиту общинного владения. То, чтобы все наши земледельцы имели поземельную собственность, — вот основное наше желание; предпочтение общинного владения безграничному расширению частной поземельной собственности основывается для нас относительно настоящего и ближайшего будущего преимущественно на том, что общинное владение представляется нам единственным средством сохранить каждого поселянина-хозяина в звании поземельного собственника, [которое получается им при настоящем устройстве государственных населенных земель и при освобождении крепостных крестьян с землею, как то указано высочайшими рескриптами]. Через тридцать или двадцать пять лет общинное владение будет доставлять нашим поселянам другую, еще более важную выгоду, открывая им чрезвычайно легкую возможность к составлению земледельческих товариществ для обработки земли; не можем сказать, чтобы это соображение не оказывало сильного влияния на нашу приверженность к общинному владению; но заботы настоящего всегда бывают сильнее соображений о будущем, и, конечно, мы не защищали бы с таким жаром общинного владения, если бы не побуждала нас к тому важность его для настоящего времени, совершенно справедливо понимаемая почтенным корреспондентом.

Если мы действительно подали нашим читателям повод думать, что мы упускаем из виду неизбежность довольно долгого переходного состояния от настоящих способов обработки отдельных участков общинной земли частными силами отдельного хозяина к общинной обработке целой мирской дачи, — если мы подали повод к такому мнению о наших понятиях, как на то, повидимому, указывает одно из замечаний, делаемых нашим корреспондентом, мы выразились неудачно или неполно в том месте наших статей, которое подало повод к такому заключению. В подобных недостатках изложения мы охотно признаемся. Но если вкралось где-нибудь такое упущение в нашем изложении, в других местах наших статей мы выражались об этом предмете с достаточной ясностью: много раз положительно и подробно говорили мы о том, что при быстром развитии механических и других средств для обработки и улучшения земли, при быстром развитии других промышленности и торговли, при улучшении средств сообщения и т. д. нашему земледелию предстоит вступить в новую эпоху, когда потребуются от него улучшенные способы производства, в которых оно еще не нуждается теперь или довольно мало нуждается; к тому времени относили мы осуществление

многих наших понятий, исполнение которых вовсе не требуется настоящим; также положительно говорили мы о том, что все эти улучшения, относимые нами к будущему, будут происходить постепенно, сообразно развитию потребности в них. Из этого почтенный корреспондент, конечно, увидит, что нам должны казаться совершенно справедливыми его слова, что полнейшее развитие общинного принципа должно быть делом будущего, а для настоящего достаточно желать сохранения в общинном владении той части земли, которая в нем находится.

Признавая вместе с почтенным корреспондентом необходимость для настоящего времени в том, чтобы подле общинного владения существовала и частная поземельная собственность, мы, конечно, с полным согласием принимаем его мысли о том, что общинное владение, огражденное от вторжения частной собственности в свою область, может и должно расширять эту область сообразно тому, как будет представляться в том надобность, по мере возрастания населения и развития других условий, требующих этого расширения области общинного владения. Из мер, предлагаемых почтенным корреспондентом к тихому достижению этой цели, особенно полезна в агрономическом отношении кажется нам его мысль о присоединении к прилежащей общине тех клочков частной земли, которые через наследственное дробление измельчали до известного предела. Очень важна мысль о передаче по завещанию отца наследственной его земли в общинное владение его роду; но эта мысль требует точнейшего развития.

Одобряя изложенную нами мысль Сисмонди и других экономистов о разорительности английского способа фермерства для огромного большинства земледельческого населения, почтенный корреспондент не думает, чтобы оно грозило распространиться у нас. Он, конечно, говорит о настоящем, и в таком случае мы с ним совершенно согласны: фермеров-капиталистов у нас еще почти нет, и не могли бы они ни в каком случае овладеть нашим сельским хозяйством в ближайшие десять или пятнадцать лет. Но говоря о необходимости оградить наших поселян от земледельческой эксплуатации по фабричному принципу фермерства, мы имели в виду эпоху экономического развития, при которой становится возможным такое фермерство. Она совпадает с эпохой, при которой становится выгодным приложение к земледелию больших оборотных капиталов. Эта пора начинается при известной степени развития торговли сельскими продуктами. У нас она еще не настала, но каждый вникавший в быстроту, с которой начала развиваться наша экономическая деятельность в последние годы, хорошо видит, что мы разве несколькими десятилетиями, вероятно не более как двадцатью пятью или двадцатью годами, удалены от той эпохи, когда, например, английскому и французскому капиталисту будет так же выгодно пустить свой капитал в русское земледельческое предприятие, как ныне вы-

годно ему обратить его на наши железные дороги и облигации государственного долга; когда и русские капиталы найдут для себя выгоднейшим обращаться в сельскохозяйственных предприятиях, нежели лежать в кредитных учреждениях. Тогда-то, хотели мы сказать, в стране, представляющей удобство для обширных сельскохозяйственных предприятий на коммерческом основании, как-кова Россия, — тогда-то едва ли большинство крупных землевладельцев удержится от искушения променять на беззаботное получение ренты от фермера-капиталиста хлопотливую возню с собственным хозяйством, и хозяйство поселян было бы совершенно подавлено соперничеством капиталистов. Эта будущность от нас не за горами; мы должны предусматривать ее и принимать меры к отстранению бедствий фабричной эксплуатации для земледельцев. Единственным средством против этого кажется нам сохранение у поселян общинного владения. Тогда они при появлении нужды в большом оборотном капитале для земледелия и в расширении размеров хозяйства найдут у самих себя через соединение в товарищества нужные денежные средства и нужный размер полей. Точно так же эти товарищества поселян будут полезны тогда и для крупных землевладельцев. Общины земледельцев, являясь соперницами капиталистов при найме больших поместий, избавят помещика от зависимости, в которую его поставила бы монополия капиталистов, и от невыгодных условий контракта, предписываемого монополией.

Ясно, что мы говорим о будущем, и эти соображения нисколько не отрицают фактов настоящего, на которые указывает почтенный корреспондент. Правда, теперь еще нет у нас фермеров-капиталистов; правда и то, что с освобождением крестьян у землевладельцев ваятся значительные капиталы, которые с первого раза дадут им возможность прекрасно повести сельскохозяйственные предприятия. Мы говорили только, что такое положение дел непродолжительно; что возникновение фермеров-капиталистов неизбежно, как скоро страна, не имеющая общинного владения, достигает известной степени экономического развития; с другой стороны, мы говорили о том прирожденном человеческой натуре стремлении, по которому человек, имеющий возможность получать, через отдачу своей недвижимой собственности внаймы, без всяких хлопот ренту, доставляющую ему избыток в жизни, не захочет возиться сам с скучными хлопотами сельскохозяйственного хозяйства; мы говорили также о том, что большой собственник, говоря вообще, проживает все свои доходы и скорее будет иметь долги, нежели значительный наличный капитал. Из этого мы выводили, что если бы уничтожилось у нас общинное владение, то система фермерства на фабричном основании, хотя еще и невозможная у нас в настоящем году, скоро сделалась бы господствующей в нашем сельском быте, и большие собственники, сами

ведущие свое хозяйство, скоро сделались бы редким исключением между собственниками.

Кстати о фермерстве на фабричном основании, какое видим в Англии. Мы очень жарко говорили против него. Но бедствия, из него возникающие для поселян, возможны только при условии его преобладания в земледельческом быту. Положение работника было бы несравненно лучше, если бы поселянин мог свободно выбирать между работой на участке своего семейства и работою на ферме; именно этого выбора нет в Англии, потому что вся земля занята фермерами. Но свобода выбора сохраняется, если фермы будут занимать гораздо меньшее пространство земли, нежели участки поселян. Потому, если сохранится общинное владение в его настоящем размере и даже согласно мнению нашего почтенного корреспондента и нашему будет расширяться по мере надобности, то и введение фермерства на землях больших собственников не будет невыгодно для поселян, которые будут наниматься тогда в работники к фермерам не иначе, как на выгодных для себя условиях. Выше мы указали, что при сохранении общинного владения будет оно наиболее выгодно и для больших землевладельцев.

Потому мы совершенно согласны с почтенным корреспондентом, что даже английское фермерство не будет для нас опасно, если у нас сохранится общинное владение.

Затем останется нам пополнить одну свою недомолвку, подавшую повод к последнему из замечаний почтенного корреспондента. В сравнительном расчете выгод, приносимых долговременными улучшениями общиннику и фермеру, мы взяли 60-летний период действия улучшения. Ошибка наша при этом состояла в том, что мы недостаточно указали именно в этом месте статьи различие между сельскохозяйственными улучшениями, действующими долговременно и действующими кратковременно, и не упомянули, что в первых заключается вся сущность вопроса, когда дело идет о выгоде неотъемлемого владения участком для развития сельского хозяйства. Итак, в том месте, к которому относится замечание почтенного корреспондента, речь идет о прочных долговременных улучшениях, каковы, например, каналы, машины и т. д. для орошения или осушения почвы, разведение живых изгородей, очищение почвы от камней, изменение состава почвы примесью глины или песку и т. д., словом — все то, чему мы дивимся в шотландском хозяйстве, — эти вещи преимущественно имеют в виду люди, толкующие против общинного владения, потому мы должны были обратить главное внимание наше на эти долговременно действующие улучшения и показать, что даже они при общинном владении должны совершаться удобнее, нежели при системе, по которой собственность на землю и обработка ее не соединяются в одних и тех же лицах, то есть при

таком положении, в котором находится большая часть земли при полном господстве частной поземельной собственности.

Заклучим этот ответ выводом не для нашего [почтенного] корреспондента, а для других читателей, особенно из сословия помещиков.

Возможно ли каждому честному человеку и всей нации не чувствовать горячего уважения к людям, подобным автору замечаний на нашу ноябрьскую статью, — к людям, которые, будучи помещиками, так глубоко сочувствуют всему, что может улучшить состояние поселянина, так пламенно желают, так твердо решаются содействовать этому улучшению всеми возможными мерами, без всякого колебания отодвигая на второй план свои собственные интересы, будучи совершенно готовы уступать личные свои расчеты и выгоды во всех тех случаях, когда то принесет пользу поселянам? К счастью России и к чести наших помещиков, таких людей в сословии помещиков много. Дай бог, чтобы число их увеличивалось с каждым днем.

Уступка личных выгод общему благу — вот девиз истинно благородного человека.

И не проиграет, а безмерно выиграет сословие помещиков от такой системы действий при разрешении вопроса о крепостном праве, потому что все эти уступки в десять раз, во сто раз вознаграждаются помещикам выгодами, которые приносит за собою большим землевладельцам сообразное с государственным благом решение этого великого дела.